

**Оправдание
Иуды, или
Двенадцатое
колесо
мировой
колесницы**

**Сергей Михайлов .
Оправдание Иуды,
или Двенадцатое колесо
мировой колесницы**

**Оправдание Иуды,
или Двенадцатое колесо
мировой колесницы**

Апокрифическое исследование

**Не одно дело, но все дела,
приписываемые традицией
Иуде Искарриоту, -- это ложь.**

*Томас де Куинси,
английский писатель и философ*

1.

Традиция неумолима. Разрушение традиции, ломка устоявшихся стереотипов -- дело почти всегда безнадежное. Особенно если этой традиции две тысячи лет.

Традиционный взгляд на историю предательства Иуды Искарриота, двенадцатого Апостола Иисуса Христа, общеизвестен. Иуда, согласно сложившейся традиции, повинен в совершении наиболее гнусного из всех известных человечеству преступлений -- злоупотреблении доверием и доносе. Две тысячи лет деяние его ничего, кроме презрения и чувства омерзения, не вызывает, а имя Иуды стало нарицательным.

В основе традиционных взглядов на историю предательства Иуды лежат три момента: слишком очевидная правомерность их основных положений и, как следствие, полное отсутствие желания анализировать эти взгляды; бездумная вера широких масс в

устоявшуюся традицию; значительный срок существования традиции при отсутствии какого-либо приемлемого альтернативного подхода к данной проблеме.

Подвергнем анализу общепринятую точку зрения на этот предмет и, прежде всего, рассмотрим позиции, изложенные в новозаветных писаниях евангелистов.

2.

Христианская традиция создавалась в течение многих столетий, однако основа ей была положена в I -- II веках от Рождества Христова, когда только-только формировалось учение зарождающейся Церкви. Именно в эту эпоху и создавался Новый Завет, положивший начало существующим традиционным взглядам на историю предательства Иуды. И именно создатели Евангелий [Прим. 1](#) впервые вывели на сцену мировой истории апостола-злодея, апостола-преступника, в чьем облике нет ни единого светлого пятна и деянию которого нет и не может быть оправдания.

Хотя Иуда Искариот -- фигура значительная в истории христианства, тем не менее о нем мало упоминается в новозаветных жизнеописаниях Иисуса Христа. Несколько беглых замечаний в ходе повествования и более подробное описание его предательства - - вот, пожалуй, и все, что мы можем почерпнуть об этом человеке в четырех Евангелиях.

Все четыре повествования о жизни, смерти и учении Иисуса Христа создавались спустя десятилетия после известных событий,

происшедших в год 27 от Рождества Христова [Прим. 2](#), каждый факт в них преломлен в свете уже свершившегося, законченного, получившего определенный смысл, -- иными словами, все четыре евангелиста творили свой труд постфактум. Вполне очевидно, что каждый из них *знал* свою роль в событиях, ставших уже достоянием истории, *знал*, каков будет финал, *знал* (по крайней мере, догадывался), что его творение призвано занять достойное место в учении зарождающейся Церкви, -- и именно это знание внесло определенный элемент предвзятости в евангельские жизнеописания Христа и его окружения.

Но мнения и суждения евангелистов не только предвзяты -- они субъективны и потому не отражают истины во всей ее полноте. Это и понятно: истина была скрыта от них, события излагались ими в меру их осведомленности, каковая была явно неполной и односторонней. Поэтому судить об исторической истине приходится

лишь на основании тех бесспорно уникальных, но пропущенных сквозь призму личных впечатлений свидетельств, которые дошли до нас в виде четырех канонических Евангелий. Некоторые разночтения -- правда, незначительные -- как раз и свидетельствуют об определенной субъективности в освещении событий жизни и смерти Иисуса Христа и его ближайших сподвижников. Наиболее это заметно на примере четвертого Евангелия, автором которого принято считать Иоанна. Однако, в ряде вопросов -- и этих вопросов, надо признать, большинство -- евангелисты выказывают удивительное единодушие (что, впрочем, не является признаком объективности и не снимает с них обвинения в предвзятости). Один из таких примеров единодушия и единомыслия -- оценка деятельности двенадцатого Апостола, Иуды Искарота. Как не заметить, что каждый раз, когда в тексте Евангелий упоминается имя Иуды, оно всегда сопровождается позорным словом "предатель"! Этот ярлык вешается на несчастного сразу, при первом же появлении его на сцене -- и не снимается уже никогда. Авторам неведома истинная подоплека событий, истинные мотивы содеянного Иудой, и потому событиям дается наиболее очевидная трактовка. Христианское учение о пришествии в мир Сына Человеческого нуждается в ряде априорных, не подлежащих сомнению и оспариванию догм, и одним из таких догматических утверждений как раз и выступает утверждение о порочности Иуды Искарота, руководствовавшегося в своем деянии исключительно низменными побуждениями.

Единодушие биографов Иисуса Христа в негативной оценке поступков Иуды может быть объяснено также и следующим образом: среди учеников Иисуса Иуда был *единственным* иудеем, в то время как его "братья по вере", включая и самого Иисуса, являлись выходцами из Галилеи. Голословно утверждать, что "национальная" рознь между Иудой и другими сподвижниками Христа сыграла существенную роль в обострении их отношений, безусловно, нельзя, однако и сбрасывать со счетов этот момент было бы ошибкой. Действительно, можно предположить, что ученик-иудей был чужаком среди учеников-галилеян, отщепенцем, оказавшимся среди них случайно -- отсюда и скрытая неприязнь, порой неосознанная, таившаяся где-то в глубинах сознания, и вылившаяся в конце концов в целый ряд обвинений в адрес Иуды, в непонимание его миссии, в нежелание дать его поступку объективную оценку. Отсюда и позорный ярлык "предателя",

навешенный на несчастного общественным мнением. Таким образом, можно с определенной долей уверенности утверждать, что суждения евангелистов об этом бесспорно важном моменте жизнеописания Христа, его деяний и деяний его ближайших сподвижников отличались субъективностью и предвзятостью: ни один из авторов Благой Вести не приводит достаточно веских и убедительных аргументов в пользу сложившегося мнения; все четверо основывают свое утверждение исключительно на личных впечатлениях, но никак не на фактах. Поэтому анализ поступков Иуды, а также известных событий в год 27 от Р. Х., предполагает определенную свободу действий.

3.

Мотивы поступков Иуды могут быть совершенно различными. Рассмотрим в первую очередь группу мотивов, которая в наибольшей степени отвечает традиционным взглядам на проблему предательства Иуды. Эта группа основывается на следующей посылке: во всех действиях Иуды лежит так называемый **злой умысел**, направленный либо против Иисуса лично, либо против его учения. Иными словами, действия двенадцатого Апостола нацелены на то, чтобы воспрепятствовать замыслам Иисуса, помешать ему добиться намеченной цели, причем при выборе средств Иуда не гнушается ничем -- даже предательством.

Итак, что же толкает одного из сподвижников Иисуса на совершение столь неприглядного поступка? Каковы те мотивы, которые послужили движущей силой самого отвратительного во всей истории Нового Завета преступления?

Один из таких мотивов (назовем их *негативными*) становится очевидным при поверхностном прочтении евангельских историй; этот мотив -- **корысть**.

Получение mzды за предательство Учителя -- вот движущая сила преступления Иуды. Тридцать серебрянников -- вот приманка, на которую попался злодей. О получении им mzды за предательство свидетельствуют Матфей (25:14-15), Марк (14:10-11) и Лука (22:3-6)

Прим. 3 . Действительно, это самое простое, самое очевидное, самое популярное объяснение поступка Иуды -- объяснение, "лежащее на поверхности", доступное любому человеку, не пытающемуся, как правило, добраться до самых истоков истины.

Популярности версии о корыстных намерениях Иуды Искарриота способствует, безусловно, и тот факт, что Иуда был казначеем Иисуса и "имел при себе денежный ящик и носил, что туда

опускали" (Ин. 12:6). Из этого факта Иоанн, четвертый евангелист, делает вывод, что Иуда "был вор". Однако утверждение это бездоказательно и ни на чем не основано. Никаких конкретных фактов, подтверждавших бы склонность Иуды к воровству, Иоанн не приводит [Прим. 4](#).

Вспомним теперь, чем окончилась для Иуды история с предательством: "Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и раскаявшись, возвратил тридцать сребренников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав Кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам. И бросив сребренники в храме, он вышел, пошел и удавился" (Мф. 27:3-5). Раскаяние и добровольная смерть -- как объяснить этот неожиданный поворот событий? Как результат угрызений совести, которым Иуда не смог противостоять? Или попытка реабилитации в глазах остальных соратников Иисуса? Если принять за основу версию о корыстолюбии и алчности как главном движущем мотиве преступления двенадцатого Апостола, то на этот вопрос убедительного ответа мы не получим.

Таким образом, своим последним поступком, приведшим его к смерти, Иуда ставит под сомнение идею корыстолюбия как *единственного* мотива преступления. Из чего следует, что мотивация поступков Иуды должна иметь в своей основе более глубокие причины, не нашедшие отражения в повествованиях евангелистов.

В качестве одной из такой причин (мотивов) может быть названа **зависть**.

4.

На первый взгляд эта идея кажется несостоятельной. Не имеет она и подтверждения в библейских текстах: ни один из биографов Христа не упоминает о ней как о возможном мотиве преступления. Действительно, чему мог завидовать Иуда? Почти нищенскому существованию Иисуса? гонениям на него, постоянным преследованиям? полулегальному образу жизни Учителя, сопряженной с опасностями и лишениями? Разумеется, подобные обстоятельства зависть возбудить не могли, но за всем этим Иуда видел и нечто другое: славу Иисуса. За три года имя дерзкого проповедника облетело всю Галилею, проникло в Иудею, толпы последователей и учеников с благоговением внимали его речам, шли за ним, верили в него. Одни любили и боготворили Иисуса, другие боялись и ненавидели. Были у него друзья, были и враги. Не было

только равнодушных, ибо слова его проникали в сердце любого, кто способен был слышать их.

Да, это была истинная слава -- слава подвижника, слава *лидера*.

Очевидно, зависть вполне могла родиться в душе двенадцатого Апостола -- и толкнуть его на преступление. Однако не следует забывать, что Иуда попал в окружение Иисуса далеко не случайно, а был избран самим Иисусом (о чем речь пойдет ниже) в качестве *верного* сподвижника и ученика. Правомерно ли в этом случае утверждать, что избранник *самого* Иисуса мог быть подвержен столь мелочному чувству, как зависть (или та же корысть)?

Однозначного ответа на этот вопрос мы дать не можем ввиду отсутствия фактических данных, как подтверждающих, так и опровергающих это допущение, -- однако с определенной долей уверенности мы все же беремся утверждать: вряд ли Иуда пошел на это деяние, движимый завистью или побуждаемый корыстью.

Мотивация его поступка явно иного, более сложного, если не сказать -- высокого, порядка.

В качестве аргумента, подкрепляющего нашу мысль, прибегнем к выводам скандинавского исследователя Нильса Рунеберга, книгу которого ("Kristus och Judas", 1904) подвергает анализу Х. Борхес в своем эссе "Три версии предательства Иуды": "Он [Рунеберг] согласился, что Иисус, "располагавший необозримыми средствами, которые дает Всемогущество", не нуждался в одном человеке для спасения всех людей. ...он опроверг тех, кто утверждал, будто мы ничего не знаем о загадочном предателе; мы знаем, говорил он, что он был одним из апостолов, одним из избранных возвещать царство небесное, исцелять больных, очищать прокаженных, воскрешать из мертвых и изгонять бесов. Муж, столь отличенный Спасителем, заслуживает, чтобы мы толковали его поведение не так дурно.

Приписывать его преступление алчности (как делали некоторые, ссылаясь на Евангелие от Иоанна 12:6) означает примириться с самым низменным стимулом". [Прим. 5](#)

5.

В определенных кругах исследователей-библеистов бытует мнение о **разочаровании** Иуды в своем Учителе как основополагающем мотиве совершенного преступления -- и, как следствии, своеобразной мести за несбывшиеся надежды. Что же могло послужить причиной разочарования? Обратимся к утверждению Э. Шюре: "Надо думать, что эта черная измена была вызвана не низкой жадностью к деньгам, но честолюбием и

несбывшимися надеждами" [Прим. 6](#) . И далее: "Иуда, отличавшийся холодным эгоизмом и духом позитивизма, не способный на малейший идеализм, мог сделаться учеником Христа из одних лишь мирских побуждений. Он рассчитывал на немедленное земное торжество Пророка и на свое собственное возвышение... Когда Иуда увидал, что дела принимают худой оборот, что Иисус погиб, Его ученики на дурном счету и сам он обманут во всех своих ожиданиях, разочарование его превратилось в ярость. Несчастный предал Того, Кого считал неистинным Мессией, обманувшим все его надежды..." [Прим. 7](#) .

Вот он -- ключ к указанному мотиву: Иуда считал Иисуса "неистинным Мессией, обманувшим все его надежды". Каким же, в глазах Иуды, должен быть истинный Мессия? Кем, по его разумению, должен был стать новоявленный пророк? Израиль ждал прихода Мессии-царя, Мессии-освободителя, Мессии-защитника, Мессии-национального героя, воинственного, справедливого, способного поднять народ на борьбу и освободить его от римского владычества [Прим. 8](#) , -- но никак не Мессии-аскета, Мессии-подвижника, Мессии-целителя и чудотворца, проповедующего непротивление злу и смирение, изгоняющего бесов из одержимых и поочередно подставляющего щеки под удары своих недругов. Можно сделать допущение, что Иуда был верен традиционным взглядам и верованиям народа Израиля на миссию ожидаемого Мессии. Исходя из таких посылок, Иуду можно было бы назвать истинным патриотом своей страны, своей нации, жаждущим освобождения от гнета ненавистного Рима, призывающим к бунту, к восстанию. Разочарование в методах и целях, что ставил перед собой и своими учениками Иисус, вполне могло толкнуть Иуду на предательство -- с тем, чтобы неминуемая казнь пророка вызвала народную смуту, стала отправной точкой национального антиримского восстания. Именно такого взгляда и придерживается Томас де Куинси (1785-1859), английский писатель и философ, на которого ссылается Борхес в упомянутом выше эссе: "Иуда предал Иисуса Христа, дабы вынудить его объявить о своей божественности и разжечь народное восстание против гнета Рима" [Прим. 9](#) . Таков Иуда и в романе Никоса Казандзакиса "Последнее искушение Христа" -- горячий, нетерпеливый, жаждущий восстания, -- правда, мотивация его преступления в романе совершенно иная (но об этом позже).

Однако при такой интерпретации мотива предательства Иуды вновь возникает вопрос: как Иисус, отличавшийся божественной прозорливостью и даром предвидения, мог включить в число своих ближайших сподвижников человека, не понявшего истинной миссии Сына Человеческого и, как следствие, не принявшего нового учения галилейского пророка -- ведь признание учения Христа за единственно верное по сути своей тождественно признанию самого Христа за *истинного* Мессию?

Впрочем, как гласит народная мудрость, пути Господни неисповедимы...

6.

Рассмотрим еще одну версию предательства Иуды, которая так же, как и рассмотренные выше, может быть отнесена нами к категории *негативных*. При этом заметим, что версия эта стоит как бы особняком и лежит за пределами обычных человеческих отношений. Мотивация поступков Иуды, положенная в основу этой версии, может быть отнесена скорее к разряду религиозно-догматических, внеисторических, корнями уходящих в библейскую традицию. Это -- **происки Сатаны**.

Что же это за происки и в чем они выражаются? Стоит ли вообще принимать эту версию всерьез?

Действительно, злодеяния Иуды вполне могли оказаться делом рук "врага рода человеческого". Вновь обратимся к свидетельствам евангелистов.

Лука свидетельствует: "Вошел же сатана в Иуду, прозванного Искаротом, одного из числа двенадцати, и он пошел и говорил с первосвященниками и начальниками, как Его предать им" (22:3-4).

Дважды о том же упоминает Иоанн: "И во время вечери, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искароту предать Его..."; "И после сего куса вошел в него сатана" (13:2,27).

Как понимать эти слова? Как аллегория? Или как действительное "вхождение" Сатаны в сердце Иуды? Если справедливо второе предположение, то Иуда полностью освобождается от ответственности за содеянное, ибо оказывается во власти сатанинских сил, которым противостоять не способен. Если же воспринимать слова Иоанна и Луки аллегорически, то ответственность с Иуды, безусловно, не снимается: дремавшие в его душе до поры до времени темные силы внезапно пробуждаются и толкают на преступление. Во втором случае Сатана проникает в душу Иуды как бы "извне", в первом же пребывает в его душе

изначально -- и лишь пробуждается в нужный момент. Подойдем к проблеме формально, то есть воспримем слова евангелистов буквально: Сатана именно *вошел* в сердце Иуды, до этого момента (то есть до момента *вхождения*) сердце Иуды было чисто от дьявольских наваждений. Библейская традиция рассматривает Сатану как некое реальное сверхъестественное существо, альтернативу Богу, воплощение мирового вселенского зла, "князя мира сего". Человек же есть поле брани между Богом и Сатаной, силами Добра и Зла, Света и Тьмы. В подавляющем большинстве своем, как учит тому Церковь, человечество подвержено греху и потому находится во власти Сатаны, и лишь малая часть его свободна от влияния "князя тьмы" и принадлежит Богу. Либо Бог, либо Сатана властен над человеком, либо оба соперничают в его сердце, ведя непримиримую вечную борьбу. И потому слова "вошел в него сатана" следует понимать в том смысле, что до сего момента сердце Иуды всецело принадлежало Богу, воплощенному в Иисусе Христе.

Призвать Сатану к ответу за содеянное Иудой мы не в силах, сам же Иуда -- если признать, что Сатана действительно вселился в него, полностью подчинил его волю своей и руководил им в его поступках -- в происках "врага рода человеческого" виновным быть признан не может.

7.

Сделаем одну оговорку. Не следует воспринимать рассмотренные выше мотивы как нечто отдельное, независимое, изолированное друг от друга -- нет, без сомнения, мотивы эти могут вступать в конфликт, дополнять друг друга, взаимодействовать, взаимопереплетаться -- словом, находиться в тесной корреляции между собой. Например, корысть и зависть часто шествуют бок о бок настолько тесно, что выделить тот или другой мотив практически не представляется возможным; происки "врага рода человеческого" могут быть реализованы не непосредственно, не как некий бессознательный и ничем не мотивируемый толчок извне, а опять-таки через ту же корысть или, скажем, зависть -- чаще же через целый комплекс побудительных мотивов, их органическую сумму, преобразованную в совершенно иную, новую, более сложную качественную категорию. Так, зависть на более высоком витке развития, дополненная элементами гордости и уязвленного самолюбия, рождает болезненное честолюбие.

8.

Следующие несколько версий отличаются своей нетрадиционностью и кажущейся парадоксальностью. Их также необходимо рассматривать во взаимосвязи; возможно, все они сосуществуют одновременно и представляют собой различные грани одного сложного многогранного мотива, приведшего Иуду к содеянному. От уже рассмотренных выше они отличаются тем, что основываются не на злом умысле Иуды, а на совершенно иных принципах, которые условно можно назвать *позитивными*. Что же это за мотивы?

Истинная вера в Иисуса и его учение. Каким бы неожиданным не показалось это утверждение, но именно истинная, глубокая вера в Иисуса Христа, его учение, пророчества, священную миссию Спасителя, божественную сущность -- все то, на чем зиждется христианство и Церковь вот уже две тысячи лет, могло побудить Иуду Искарюта на такой отчаянный шаг, как предание Иисуса в руки иудейских первосвященников. Несмотря на всю парадоксальность данного утверждения, постараемся доказать, что оно явилось плодом логических умозаключений и тщательного исследования текстов Нового Завета. Обратимся к первоисточнику. *"С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, -- свидетельствует Матфей, -- что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть"* (16:21). И далее: *"Во время пребывания их в Галилее, Иисус сказал им: Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, и убьют Его, и в третий день воскреснет. И они весьма опечалились"* (Мф. 17:22-23; см. также Лк. 9:22).

"И восходя в Иерусалим, Иисус дорогою отозвал двенадцать учеников одних и сказал им: вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть; и предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие и в третий день воскреснет" (Мф. 20:17-19; см. также Мрк. 10:33-34).

"...сказал ученикам Своим: вы знаете, что через два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие" (Мф. 26:1-2).

"Ибо учил Своих учеников и говорил им, что Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, и убьют Его, и по убиении в третий день воскреснет. Но они не разумели сих слов, а спросить Его боялись" (Мрк. 9:31-32; см. также Мрк. 8:31).

"Когда же сходили они с горы, Он не велел никому рассказывать о том, что видели, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых. И они удержали это слово, спрашивая друг друга, что значит: воскреснуть из мертвых" (Мрк. 9:9-10; см. также Мф. 17:9).

"...Он сказал ученикам Своим: вложите вы себе в уши слова сии: Сын Человеческий будет предан в руки человеческие. Но они не поняли слова сего, и оно было закрыто от них, так что они не постигли его, а спросить Его о сем слове боялись" (Лк. 9:43-45).

"Отозвав же двенадцать учеников Своих, сказал им: вот, мы восходим в Иерусалим, и совершится все написанное через пророков о Сыне Человеческом: ибо предадут Его язычникам и поругаются над Ним, и оскорбят Его, и оплюют Его, и будут бить и убьют Его; и в третий день воскреснет. Но они ничего из этого не поняли: слова сии были для них сокровенны, и они не разумели сказанного" (Лк. 18:31-34).

Мы позволили себе столь пространное цитирование Евангелий исключительно с одной целью -- чтобы показать, что в пророчествах Иисуса о собственной судьбе не было недостатка. Причем, несмотря на частые разночтения параллельных мест в Евангелиях, в данном вопросе Матфей, Марк и Лука выказывают удивительное единодушие и буквально слово в слово повторяют друг друга. На этом фоне заметно выделяется фигура четвертого биографа Христа, Иоанна, чье Благовествование как бы вносит свежую струю в однообразный пересказ событий, описанных евангелистами-синоптиками.

Итак, Иисус пророчествует о своей судьбе. Какие основные моменты его пророчеств можно выделить? Во-первых, он предсказывает свое пленение, избиение, поругание и смерть на кресте; во-вторых, Иисус заявляет о своем грядущем воскресении "в третий день"; в-третьих, он предрекает, что "Сын Человеческий предан будет" одним из его учеников; в-четвертых, он конкретно указывает день, когда "предан будет в руки человеческие", и этот день -- Пасха; и в-пятых, хотя это и не имеет прямого отношения к пророчествам, ученики его "ничего из этого не поняли" и "не разумели сказанного". Таким образом, Иисус неоднократно пророчествует о своей судьбе, но ученики его остаются глухи к его словам; непонимание, в свою очередь, рождает неверие -- иначе как еще объяснить их смятение, граничащее с откровенной трусостью и готовностью отречения (вспомним троекратное отречение Петра в

ночь ареста Иисуса), внезапно охватившее их в канун Пасхи? Возьмем на себя смелость и выскажем следующее предположение: Иуда был единственным из числа двенадцать Апостолов, кто искренне верил Иисусу и кто не предал забвению ни единого слова из его пророчеств. Именно вера толкнула его на содеянное им, на так называемое "предательство", ибо он единственный, кто *понял*, до конца постиг смысл земной жизни и, главное, *смерти* Иисуса Христа, смысл его явления в этот грешный мир, его миссии Спасителя человечества. Иисус дал миру шанс, и шанс этот заключался в его смерти. Смерть органически завершала земной путь Учителя, своею кровью искупавшего грехи людские. Его смерть нужна была миру, Иуда понял это -- и взял на себя роль орудия Божьего Провидения. Он знал, что человечество проклянет его, но он знал также и то, что Иисус -- сам Иисус, Сын Божий! -- нуждается в его помощи. Иуда перешагнул через самого себя и содеял predetermined свыше. Прореченное Богом свершилось.

9.

Вера и скепсис, вступившие в противоречие. Возможно и иное, несколько отличное от только что приведенного, объяснение действий Иуды Искарота. По Писанию, вера, подверженная сомнению, не есть вера, угодная Богу. Истинная же вера есть вера Авраама, безропотно отдавшего единственного сына на заклатие Богу-Искусителю. Вера должна быть безоговорочной и бездумной, полностью подчиняющей волю человека неограниченному, поистине "божественному" произволу Творца. Либо абсолютная вера, либо абсолютное безверие -- третьего здесь не дано. Так учит Писание.

Однако нужна ли человеку такая вера? Вера, умаляющее самое ценное, что есть у него -- его человеческое достоинство, свободу выбора, право на сомнение, на критическую оценку господствующих в обществе нравственных ценностей, -- не означает ли такая бездумная, пассивная вера попытку уйти от ответственности за принятие жизненно важных решений, от ответственности за свои поступки, от ответственности быть человеком -- Человеком с большой буквы? Пусть Господь Бог сам выносит вердикт, что есть "благо", а что есть "зло", нам же, ничтожным и мелким тварям, остается только безропотно повиноваться ему и слепо следовать его велениям -- разве такая позиция достойна Человека?..

Да, Иуда искренне верил Иисусу, но вера в его душе сочеталась с

сомнениями, которые терзали его, лишая покоя его мятущуюся душу. Быть может, истинная вера как раз и должна сопровождаться изрядной долей скепсиса, постоянным "а вдруг"? Впрочем, вопросы веры слишком сложны и многогранны, требуют основательного изучения и тщательного исследования -- малый объем данной работы не позволяет подробно остановиться на этой проблеме. Допустим лишь, что Иуда был верующим скептиком, и подвергнем анализу его возможные мысли.

"Если Иисус -- действительно Сын Божий, -- рассуждал Иуда, -- то мое предательство послужит делу свершения его пророчества о смерти через распятие и воскресении на третий день; своим деянием я лишь исполню волю Божию. Если же он окажется обманщиком и лжепророком, то пусть смерть послужит ему наказанием за его обман -- он достоин будет такого конца". Что ж, Иуде не откажешь в здравомыслии, при любом исходе он оказывается в выигрыше. И выигрыш тот -- истина, которую жаждет узнать двенадцатый Апостол. Нет, даже не узнать -- иначе бы он дождался "третьего дня", чтобы удостовериться в точном исполнении (или неисполнении) пророчества о воскресении, и не покончил бы жизнь самоубийством, -- ему важно создать условия для *неизбежного* проявления истины, которую ему уже не довелось узнать. Что ж, приоткрыть истину ради самой истины и, не узнав ее, добровольно уйти из жизни -- в этом есть что-то святое. (Что рядом с этим жалкие тридцать серебрянников!)

Иисус воскрес -- и своим воскресением вернул к жизни одиннадцать своих трусливых учеников. А что же двенадцатый? Узнал ли он о торжестве своей веры -- там, в мире ином? Быть может, там, рядом с Богом, он обрел наконец покой и жизнь вечную, свободную от людских проклятий в адрес "предателя" и позорного клейма "иуды"? *"Заблудшая душа человеческая, если тебе свыше суждено было заблудиться, то это, воистину, будет зачтено тебе в тот великий день, когда мощный судия придет в облаках славы своей судить живых мертвых и мертвых живых!.." [Прим. 10](#)*

10.

Прямое указание Иисуса. Последняя версия прекрасно дополняет две предыдущие и завершает общую картину "предательства" Иуды, совершенного им из благих побуждений. Действительно, одним из побудительных мотивов его действий с полным на то основанием, подтвержденным новозаветными текстами, может быть признано прямое указание Иисуса Христа

"предать" его в руки властей. Снова обратимся к свидетельствам евангелистов.

"Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками; и когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. Они весьма опечалились и начали говорить Ему, каждый из них: не я ли, Господи? Он же сказал в ответ: опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня... При сем и Иуда, предающий Его, сказал: не я ли, Равви? Иисус говорит ему: ты сказал" (Мф. 26:20-23,25).

"Когда настал вечер, Он приходит с двенадцатью. И когда они возлежали и ели, Иисус сказал: истинно говорю вам, один из вас, ядущий со Мною, предаст Меня. Они опечалились и стали говорить Ему, один за другим: не я ли? И другой: не я ли? Он же сказал им в ответ: один из двенадцати, обмакивающий со Мною в блюдо" (Мрк. 14:17-20).

"И вот, рука предающего Меня со Мною за столом... И они начали спрашивать друг друга, кто бы из них был, который это сделает" (Лк. 22:21,23).

"...Иисус... сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст меня. Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит. Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса; ему Симон Петр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о ком говорит. Он, припадши к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! Кто это? Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искарриоту. И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее. Но никто из возлежавших не понял, к чему Он это сказал ему... Он, приняв кусок, тотчас вышел" (Ин. 13:21-28,30).

Разве направляющая воля Иисуса не очевидна в приведенных выше свидетельствах? "Что делаешь, делай скорее" -- это ли не прямой приказ? "И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искарриоту" -- это ли не откровенный выбор одного из двенадцати? А слова "ты сказал" в ответ на вопрос Иуды, по еврейской традиции означающие утверждение и аналогичные современному "да", -- это ли не волеизъявление Учителя? Внутренне готовый к действию, Иуда тут же отправляется за стражей.

11.

Однако не все так просто, как кажется на первый взгляд. Согласно свидетельствам Матфея, Марка и Луки, Иуда предложил

свои услуги первосвященникам накануне "дня опресноков", то есть не менее чем за сутки до той знаменитой тайной вечери, где Иисус произнес роковые слова. Иными словами, Иуда замыслил предательство *еще до прямого указания* Христа. Здесь, правда, возможно возражение: если Иуда задумал предать Иисуса *до* тайной вечери, то как объяснить утверждение Иоанна: "И после сего куска вошел в него сатана" (13:17)? Выходит, что до "сего куска" Иуда о предательстве не помышлял? Постараемся ответить на это возражение. При этом мы берем на себя труд сглаживания разночтений всех четырех Евангелий, и особенно первых трех с последним, ибо лишь объяснение, удовлетворяющее всем без исключения вариантам биографии Христа, способно убедить скептика. Итак, на первый взгляд Иоанн противоречит Луке, который утверждает, что Сатана вошел в Иуду, когда "приближался праздник опресноков, называемый Пасхою" (Лк. 22:1). В действительности же никакого противоречия здесь нет. Если более внимательно перечитать евангелие от Иоанна, то нетрудно обнаружить следующее свидетельство: "И во время вечери, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искарйоту предать Его..." и т.д. (Ин. 13:2). Именно это короткое "уже" все объясняет. Иными словами, к тайной вечере Иуда *уже* был готов предать Иисуса в руки его врагов. Можно лишь предположить, что это намерение, приведшее к сговору с первосвященниками, возникло у Иуды накануне дня опресноков, что согласуется с указаниями трех других авторов [Прим. 11](#). "Что делаешь, делай скорее" -- это лишь сигнал к активным действиям, к завершающей фазе разыгрывающейся трагедии. Иуда верно понял этот сигнал -- и не заставил себя долго ждать.

Итак, согласно нашей версии, основанной на свидетельствах евангелистов, Иуда пошел на предательство по прямому указанию Христа, однако это указание, открыто прозвучавшее на тайной вечере (но никем, кроме Иуды, не понятое), было лишь кульминацией, завершающим этапом всего плана предательства. Сама идея предать Иисуса в руки его врагов созрела у Иуды раньше, еще накануне "дня опресноков".

Но если это действительно так, то прямое указание Христа мотивом совершившегося "преступления" уже считаться не может. Что, в таком случае, привело Иуду к мысли предать своего Учителя? Иными словами, что является первоосновой, той отправной точкой, тем глубинным мотивом, который стал импульсом к развитию всех

дальнейших трагических событий?

Рассмотрим возможные варианты ответов на этот далеко не простой вопрос.

12.

Вернемся к версии, согласно которой Иуда в своих деяниях оказывается жертвой происков Сатаны. В свете последнего рассмотрения эта версия приобретает совершенно иной смысл. Да, Иуда, предавая Иисуса в руки его врагов, действует по прямому указанию своего Учителя, однако слова "И после сего куска вошел в него сатана" вполне могут означать, что и **Сатана действует по указке Иисуса**. Используя в своих целях Сатану -- "врага рода человеческого", "князя тьмы", исчадие Ада, воплощение вселенского зла! -- Иисус *вынуждает* последнего "вселиться" в своего двенадцатого ученика. Сатана в руках Иисуса -- всего лишь инструмент, носитель определенной идеи, которая должна обеспечить успех его великой миссии -- миссии Спасителя мира -- и которую Иисус столь необычным путем доводит до сознания Иуды. Через Сатану Иисус как бы зомбирует своего ученика, ориентирует его волю на выполнение "позорного" задания. Возникает вполне справедливый вопрос: зачем Иисусу, Сыну Божьему, прибегать к услугам Сатаны? Или он считает, что предательство, даже во имя благой цели, все же остается предательством и находится исключительно в компетенции Дьявола? Может быть, он не желает мараить свои чистые руки в человеческом грехе? Бесспорно одно: сей инцидент -- если интерпретировать его именно таким образом -- роняет неблагоприятную тень на безгрешное чело Сына Человеческого.

В развитие этой версии можно также предположить, что между Иисусом и Сатаной имел место добровольный (с обеих сторон) и равноправный договор (сговор) о проведении совместной операции по "подготовке" одного из учеников Иисуса к выполнению намеченной для него миссии. Заметим, что гипотеза сговора Иисуса (читай: Бога) с Сатаной, хотя и не подтвержденная свидетельствами евангелистов, вполне правомерна, поскольку подобный сговор однажды уже имел место в библейской истории. Вспомним Иова и его нечеловеческие страдания, виной которым был все тот же Господь, возжелавший подвергнуть суровому испытанию своего верного адепта и заключивший по этому поводу пари с Сатаной. Любому, кто знаком с историей Иова, наверняка памятли выпавшие на его долю тяготы и лишения, искусственно инициированные

самим Богом.

Оставим в стороне версию об участии Сатаны в этом "темном" деле как не представляющую для нас большого интереса.

13.

Зададимся вопросом: а каким, собственно, образом Иуда оказался в числе избранных? Откуда вообще взялись эти двенадцать? Ответ прост: Иисус сам выбрал их из числа своих приверженцев во время странствий по земле древнего Израиля. Тому есть свидетельства евангелистов [Прим. 12](#) . Но следом возникает второй вопрос: неужели Иисус не знал, что из себя представляет Иуда Искариот, а если знал, то почему же все-таки его выбор пал на него? Разумеется, знал, *не мог* не знать -- именно потому, что знал, и приблизил к себе будущего предателя в числе двенадцати избранных. "...не двенадцать ли вас избрал Я? но один из вас диавол... Ибо знал Он предателя Своего" (Ин. 6:70, 13:11). Ответ здесь очевиден: Иуда был *нужен* Иисусу, ибо только в сердце Иуды могла родиться (либо вселиться *извне* -- что, впрочем, сути дела не меняет) мысль о так называемом "предательстве" (вернее было бы сказать -- о подвиге). Иисус пришел в мир с уже готовым сценарием, и первым его делом был отбор действующих лиц на главные роли готовящейся трагедии. Каждому из учеников было отведено в сценарии свое место, и на каждое место подбирался именно тот "типаж", который был угоден мудрому Режиссеру. Однако Иуде было предуготовлено место особенное -- место "злодея". Иисус разыграл все словно по нотам -- и не просчитался: никто из актеров не подвел его. Порой он выполнял даже роль суфлера! -- Ведь все его пророчества о собственном распятии и последующем воскресении, прямые указания Иуде накануне своего ареста, предсказание Петру о его троекратном отречении иначе как обычными суфлерскими подсказками не назовешь! Не дай Бог, если актер по забывчивости что-нибудь напутает. Нет, лучше прибегнуть к прозрачным, слишком порой откровенным намекам, чем подвергать риску столь грандиозное предприятие, как спасение всего человечества! Риск здесь совершенно недопустим. Надо отдать должное Иуде -- он сыграл свою роль великолепно. И неважно, что игра та была самой жизнью, да и весь спектакль игрался "вживую". И смерть на кресте, хотя и предполагалась сценарием, была настоящей. И тем ценнее его (Иисуса) жертва, что принесена она была добровольно.

Рассмотрим еще один фрагмент Св. Писания. Иисус заявляет:

"Впрочем Сын Человеческий идет, как писано о Нем; но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предастся: лучше было бы этому человеку не родиться" (Мф. 26:24) [Прим. 13](#) . Эта судьбоносная фраза стоит того, чтобы проанализировать ее подробно. Во-первых, слова Иисуса прекрасно иллюстрируют мысль о Боге-сценаристе, Боге-режиссере, которым появление Сына Человеческого в мире было заранее просчитано и предопределено. Во-вторых, ею (этой фразой) вносится еще один штрих в "дело Иуды". Да, Иуда предает Учителя, однако (как здесь уместно это оброненное вскользь слово "впрочем"!) действия его, хотя и свободны, тем не менее предначертаны Всевышним, заведомо заложены в сценарий в качестве необходимого сюжетного элемента. "Сын Человеческий идет, как писано о Нем", и Иуда уже не может, даже если бы и хотел, что-либо изменить в этом неумолимом шествии. Иное дело, что Иуде неведомо предначертанное свыше, как неведомы ему и истинные намерения Бога-режиссера. Поэтому мы, хотя и с некоторой натяжкой, берем на себя смелость заявить: Иуда *добровольно* (даже если принять версию о воздействии Сатаны на его "добрую волю") избирает свой путь. При этом, повторяем, и его путь, и "добрая воля" Иуды, и весь дальнейший ход трагедии *заранее* известны Богу-режиссеру и им же направляемы. Далее, во фразе говорится о горе, которое постигнет предателя за содеянное им. Откуда ждать ему возмездия? От Бога? Нет, не это имел в виду Иисус, не Бог должен стать причиной страданий Иуды - а человечество, проклявшее "злодея" на веки вечные. Поистине, "лучше было бы этому человеку не родиться", ибо праведен и страшен гнев людской! Однако часто -- слишком часто! -- несправедлив...

14.

Вернемся к поискам того глубинного мотива, который мог бы стать причиной предательства, совершенного Иудой по прямому указанию Христа. Рассмотренная выше версия об использовании Иисусом Сатаны для реализации плана предательства, хотя и имеет право на существование, однако несет в себе два серьезных недостатка. Во-первых, привлечение "врага рода человеческого" к делу спасения мира бросает (мы уже упоминали об этом) неблагоприятную тень как на самого Иисуса, так и на всю его миссию. Во-вторых, по данной версии Иуда предстает перед нами в качестве безвольной и бездумной марионетки, которую Иисус, через посредничество Сатаны, "дергает за ниточки" и заставляет делать те

или иные телодвижения, говорить те или иные слова, совершать те или иные поступки и "преступления". Тем самым, роль Иуды заметно умаляется, что, по всей видимости, противоречит истинному положению вещей.

Можно также допустить, что воздействие Иисуса на волю Иуды было непосредственным и осуществлялось без привлечения "третьих сил" (в данном случае -- Сатаны). Это мог быть, например, гипноз, либо (учитывая божественную сущность Иисуса и его безграничные возможности влиять на людей и ситуацию) какие-то другие способы внушения. Однако все они не снимают второго серьезного недостатка, упомянутого выше: воля и разум Иуды подменялись волей и разумом его Учителя. Прямое указание Христа "что делаешь, делай скорее" -- не более чем приказ, отданный послушному и пассивному исполнителю, лишенному собственного мнения и собственной позиции.

Рассмотрим поэтому версию, согласно которой роль Иуды представляется значительно более активной, явившейся плодом и результатом серьезной оценки ситуации, ее вдумчивого осмысления и искреннего, *добровольного* желания помочь Иисусу в осуществлении его великой миссии. В основе этой версии лежит идея о **предварительной договоренности между Иисусом и Иудой**.

Хотя ни один из евангелистов не упоминает о предварительной договоренности между Иисусом и Иудой, можно предположить, что такая договоренность тем не менее имела место. И если в новозаветных писаниях об этом не говорится ни слова, в художественной литературе данная версия нашла-таки свое отражение.

Разумеется, творения беллетристов не могут служить ни историческими свидетельствами, ни авторитетными свидетельствами отцов Церкви. Тем не менее идеи, звучащие в произведениях великих мастеров слова и порой противоречащие общепринятым традициям, зачастую способны дать богатую пищу для ума и направить поиски в неожиданное русло. Поэтому не будем игнорировать их.

Обратимся к Никосу Казандзакису и его скандально знаменитому роману "Последнее искушение Христа". Приведем два фрагмента, которые, на наш взгляд, очень верно иллюстрируют идею о совместно разработанном Иисусом и Иудой плане "операции":

" -- Брат мой, час настал, -- кивнул Иисус Иуде, не отходившему от него. -- Готов ли ты?
-- Я снова спрашиваю тебя, равви: почему ты выбрал меня?
-- Ты же знаешь, что сильнее тебя никого нет. Остальные не вынесут... Ты ходил к первосвященнику Каиафе?
-- Да. Он говорит, что ему нужно знать, где и когда.
-- Скажи ему -- в канун Пасхи, после праздничной трапезы в Гефсиманском саду. Мужайся, Иуда, брат мой. Я тоже стараюсь не падать духом". [Прим. 14](#)

И далее:

" -- Прости меня, Иуда, брат мой, -- промолвил Иисус, -- но это необходимо.
-- Я же уже спрашивал тебя, равви, нет ли другого пути?
-- Нет, Иуда, брат мой. Я бы тоже предпочел другой путь; до сегодняшнего дня я ждал и надеялся, но -- напрасно. Нет, другого пути нет. Настал конец света -- конец мира. Этот мир -- царство дьявола -- будет уничтожен, только когда наступит Царствие Небесное. Я принесу его. Как? Своей смертью. Другого пути нет. Не дрожи, Иуда, брат мой. Через три дня я восстану из гроба.
-- Ты говоришь это только для того, чтобы успокоить меня, чтобы я предал тебя, и сердце мое не разорвалось. Ты говоришь -- я выдержу, ты хочешь придать мне сил. Нет, чем ближе час... нет, Иисус, я не вынесу этого!
-- Вынесешь, Иуда, брат мой. Господь придаст тебе сил столько, сколько потребуется. Это необходимо, необходимо, чтобы я был казнен, а ты предал меня. Мы оба должны спасти мир. Помогите мне. Иуда опустил голову.
-- А ты бы предал своего учителя?
Иисус надолго задумался.
-- Нет, боюсь, я не смог бы. Потому Господь и сжалился надо мной и поручил мне более легкое дело -- быть распятым, -- и, взяв Иуду под руку, он продолжал уговоры: -- Не бросай меня. Помогите мне. Разве ты не говорил с первосвященником Каиафой? Ведь служители Храма уже готовы и вооружены, чтобы схватить меня? Ведь все устроилось, как мы и договаривались, Иуда. Так отпразднуем же сегодня вместе Пасху, а потом я дам тебе знак, и ты приведешь их. Впереди лишь три темных дня -- они промелькнут, как молния, а на третий день, в воскресенье, мы возликнем и обнимемся снова!" [Прим. 15](#)

"Все устроилось, как мы и договаривались" -- в этих коротких словах заложен глубочайший смысл, как раз и свидетельствующий о существовавшей между Иисусом и Иудой предварительной договоренности. Именно ими обоими, а не одним только Иисусом, был разработан *тайный* план "предательства", блестяще осуществленный Иудой. Характерно, что в приведенных отрывках Иисус предстает испытывающим неуверенность, даже страх перед тем решительным шагом, который ему предстоит сделать. И именно Иуду он выбирает в качестве верного и надежного помощника, на плечо которого он может опереться и которому может безоговорочно вверить свою судьбу и судьбу своей великой миссии. "Почему ты выбрал меня?" -- спрашивает Иуда. И получает откровенный ответ: "Сильнее тебя никого нет. Остальные не вынесут".

"Мы оба должны спасти мир. Помоги мне" -- разве не слышен в этих словах Иисуса откровенный призыв о помощи? "Одному мне не справиться, -- как бы говорит он, -- без твоей помощи, без твоей поддержки, без твоей *жертвы* моя миссия обречена на неудачу". Однако эти слова имеют и другой, куда более глубокий смысл: Иисус возлагает миссию спасения мира не на себя одного, а на *обоих* -- на себя и Иуду одновременно.

Здесь мы подходим к очень важному моменту в истории Иисуса Христа и во всей истории христианства. Речь идет ни много ни мало о **миссии Иуды как одного из спасителей мира.**

15.

Вновь обратимся к Борхесу: "Рунеберг... предлагает оправдание Иуды метафизического свойства. Весьма искусно он начинает с убедительной мысли о том, что поступок Иуды был излишним. Он указывает, что для опознания Учителя, который ежедневно проповедовал в синагоге и совершал чудеса при тысячном стечении народа, не требовалось предательства кого-либо из апостолов. Однако оно совершилось. Предполагать в Писании ошибку недозволительно; не менее недозволительно допускать случайный эпизод в самом знаменательном событии истории человечества. Ergo, предательство Иуды не было случайным; оно было деянием предопределенным, занимающим свое таинственное место в деле искупления... Иуда, единственный из апостолов, угадал тайную божественность и ужасную цель Иисуса..." [Прим. 16](#)

Итак, по Борхесу, деяние Иуды занимает "свое таинственное место в деле искупления". Разве это не означает, что Иуда имел свою

собственную миссию, неразрывно связанную с миссией Иисуса? Разве не жертвует Иуда всем, что у него есть -- добрым именем, честью, жизнью, наконец, -- ради успешного осуществления того великого дела, которое призван был совершить Иисус? ради торжества новой веры? ради искупление грехов человеческих и спасения мира? Нет, не позорным словом "предатель" следует клеймить несчастного -- его следует именовать не иначе как героем, бесстрашным, истинным, верным подвижником, до самозабвения преданным Иисусу, своему другу и учителю. И крест его -- как прав здесь Казандзакис! -- куда тяжелее креста Иисуса, которому Господь "поручил более легкое дело -- быть распятым".

В подкрепление нашей версии приведем еще две цитаты. Первая принадлежит Генрику Ибсену, вторая -- Герману Гессе.

"Юлиан. Чем ты был при жизни?"

Голос. Двенадцатым колесом мировой колесницы.

Юлиан. Двенадцатым? И пятое уже считается лишним.

Голос. Куда бы покатила колесница без меня?

Юлиан. Куда же покатила она с твоей помощью?

Голос. К славе.

Юлиан. Кто избрал тебя?

Голос. Хозяин.

Юлиан. Избрал ли тебя Хозяин в провидении будущего?

Голос. Да, вот -- загадка!.." [Прим. 17](#)

"...разве предательство Иуды, искупительная жертва и гибель Спасителя не были необходимы, священны, предопределены и предречены в древнейшие времена? Разве была бы польза... была бы хоть крохотная польза, если бы изменилось хоть на йоту божественное предначертание и не совершилось бы дело спасения, если бы уклонился этот самый Иуда по соображениям морали или рассудка от назначенной ему роли и не пошел на предательство?"

[Прим. 18](#)

Да, Иуда оказался тем самым "двенадцатым колесом мировой колесницы", без которого историческая миссия Иисуса была бы обречена на неудачу. Не совершив Иуда "предательства", не был бы распят на кресте мученик-Иисус во имя спасения человечества, и не совершилось бы в третий день чуда воскресения. Не увенчалось бы успехом начатое Иисусом дело, и новая религия -- христианство -- не пустила бы корни в древней земле иудейской. Да, без жертвы Иуды невозможна была бы и жертва Иисуса. Отсюда миссия Иисуса как Искупителя и миссия Иуды как Предателя есть *единая миссия*

Иисуса-Иуды, имеющая своей целью торжество новой веры и спасение мира от греха, в котором он погряз и очистить от которого послан был на землю Иисус самим Богом-отцом.

Таким образом, мы вплотную приблизились к мысли, что Иисус и Иуда -- это как бы две ипостаси единого лица -- Сына

Человеческого, две антогонистические сущности, составляющую цельную личность пришедшего в мир Мессии. [Прим. 19](#) "Иуда,

неким таинственным образом, -- отражение Иисуса, -- пишет Борхес, снова ссылаясь на Рунеберга. -- Отсюда тридцать сребреников и поцелуй, отсюда добровольная смерть, чтобы еще верней заслужить Проклятие. Так разъяснил Нильс Рунеберг загадку Иуды". [Прим. 20](#)

Ссылаясь на другую книгу скандинавского исследователя ("Den hemlige Flarsaren", 1909), Борхес далее продолжает: "Бог стал человеком полностью, но стал человеком вплоть до его низости, человеком вплоть до его мерзости и бездны. Чтобы спасти нас, он мог избрать любую судьбу из тех, что плетут сложную сеть истории; он мог стать Александром, или Пифагором, или Рюриком, или Иисусом; он избрал самую презренную судьбу: он стал Иудой... Бог не желал, чтобы на земле стала известна Его ужасающая тайна". [Прим. 21](#)

Бог стал Иудой... Странная мысль, кощунственная, святотатственная, вопиющая о своей кажущейся абсурдности.

Однако как она верно отображает истинный смысл событий двухтысячелетней давности! Вся история пришествия в мир Сына Человеческого сразу же обретает стройность, четкость, однозначность, все ее действующие лица и персонажи становятся *нужными*, а их действия и поступки -- осмысленными, отвечающими единому божественному плану.

Возникает вопрос: почему же все-таки для осуществления своей великой миссии Иисус избрал именно Иуду? Вернее было бы спросить: чем Иуда отличался от других своих "собратьев по вере", от остальных одиннадцати Апостолов, что позволило Иисусу возложить именно на него, а не на кого-либо другого, страшное дело предательства? Ответ здесь может быть только один: безграничной, безрассудной готовностью к самопожертвованию, самоуничижению, отдаче всего себя без остатка делу, в которое он горячо и искренне верил, и человеку, ради которого он готов был пожертвовать не только жизнью, но и своим добрым именем, своей честью -- и в итоге заслужить вечное проклятие человечества, несмываемое

клеймо "иуды".

Что это, как не высшая форма **аскетизма**? И кем предстает перед нами Иуда, как не великим **мучеником**?

16.

Идеями мученичества, аскетизма и жертвенности пронизано все христианство сверху донизу: от самых его истоков, явивших нам добровольную смерть Иисуса на кресте, и до новейших времен, отмеченных страданиями и лишениями христианских подвижников и святых. Да и сама история христианства -- это в значительной мере история подвижничества верных его адептов, жертвующих мирским благополучием, а порой и жизнью, во имя Христова и ради торжества его миссии.

Первые библейские мученики появились задолго до пришествия в мир Сына Человеческого. Открывает же длинную галерею мучеников, бесспорно, Авель, злодейски убитый своим братом Каином. [Прим. 22](#) Авель -- жертва, причем жертва безгрешная, чистая -- он почти святой. Недаром Скоуфилд, комментатор Библии, сравнивает Авеля с Христом. [Прим. 23](#) Оба святые и чистые, оба пали от руки злодея, на обоих лежит печать мученичества. Однако стоит лишь вникнуть в смысл их жертвы, как глубокая пропасть разверзается между этими библейскими персонажами. Иисус, гласит Писание, явился в мир, чтобы умереть -- умереть во искупление грехов человеческих, во имя спасения человека. И в этом смысл его смерти на кресте. А Авель? Его жертва лишена смысла, он умер по воле слепого случая, не сознавая и не ожидая своей печальной участи. Да и во имя чего, во имя какой высокой цели принял он смерть? Авель не хотел и не собирался умирать, смерть застала его врасплох, именно в тот момент, когда он ждал ее менее всего -- и потому смерть его бессмысленна; однако, по христианским понятиям, безгрешный мученик, принявший смерть от руки злодея, всегда свят.

Приведем еще один пример мученичества -- на этот раз осознанного, хотя и не менее бессмысленного, чем смерть Авеля. Речь идет о первых канонизированных православной Церковью русских святых -- страстотерпцах Борисе и Глебе. Оба приняли смерть добровольно, практически не противясь своим убийцам, причем оба имели возможность предотвратить трагедию -- однако ни тот, ни другой не сделали этого. Что же толкнуло братьев-князей на этот бессмысленный на первый взгляд путь? Ответ на этот

вопрос дает нам Георгий Федотов, русский мыслитель и автор книги "Святые Древней Руси": "Вольное мучение есть подражание Христу... Думается, в полном согласии с древним сказателем, мы можем выразить предсмертную мысль Глеба: всякий ученик Христов оставляется в мире для страдания, и всякое невинное и вольное страдание в мире есть страдание за имя Христово... Святые Борис и Глеб сделали то, чего не требовала от них Церковь... Но они сделали то, чего ждал от них, последних работников, Виноградарь".

Прим. 24 Примерно в том же духе отвечает и Юз Алешковский:

"Истинные мученики благодарили Творца за ниспосланное им страдание, полное бесконечного смысла, животворившее личность, озарявшее тьму существования и сотрясавшее их души чувством неземного счастья". Прим. 25

Чувство неземного счастья... Да, человеку неверующему это понять крайне сложно, скорее даже невозможно. Экзальтация, доведенная до крайней степени, умерщвление плоти, добровольные физические страдания, самоистязания и самобичевания, лишение себя всех жизненных благ, уход от мира и мирских проблем, вплоть до ухода из жизни и вольного принятия смерти -- и все это во имя Христово, ради Христа. Только истинные мученики видели в добровольном страдании бесконечный смысл -- смысл, заключенный ни в чем ином как в *подражании* Христу.

Однако какой смысл заключен в *самом* подражании?

Комментируя историю смерти святых страстотерпцев Бориса и Глеба, изложенную в книге Г. Федотова, советский исследователь Владимир Торопов дает следующую интерпретацию этого трагического события: "Борис выбрал смерть, и этот выбор был вольным. Смерть была принята им не как неизбежное зло, а как жертва, то есть такая смерть, которая несет в себе залог воздаяния".

Прим. 26

Смерть, жертва, страдание, аскеза как *залог воздаяния* -- вот, оказывается, в чем истинный, глубинный смысл подвижничества мучеников и святых всех времен и народов! Причем выбор этого пути должен быть вольным -- иначе никакого воздаяния, никакой награды не будет. Спрашивается, какого воздаяния ждет аскет, умерщвляя свою плоть во имя Христово и в подражание Христу? монах, накладывающий на себя суровую епитимью во искупление своих грехов? или праведник, добровольно подставляющий горло под нож коварного убийцы? На первый взгляд ответ на этот вопрос

как бы лежит на поверхности: райских кущ после смерти, зачисления в сонм "агнцев Божиих", "жизни вечной" в мире ином, и т.д. и т.п. Однако возможны и иные "награды": слава и авторитет подвижника еще при жизни (если добровольная аскеза не ставит своей целью смерть); самореализация личности, не нашедшей себя ни в чем другом; удовлетворение амбициозных и эгоистических устремлений и др. -- вплоть до переориентации и подавления либидозных импульсов (сублимация) и удовлетворения мазохистских (или иных психически аномальных) проявлений индивидуума.

В наши задачи не входит анализ этой проблемы. Для нас важно уяснение только одного: мученичество на религиозной почве, какие бы формы оно не принимало, всегда *небескорыстно*. И даже если помыслы мученика чисты, а цели святы, где-то в глубинах сознания он вынашивает мысль (или только тень ее, порой неосознанную) о будущем воздаянии за свое прижизненное подвижничество. "За земные страдания во имя Христово мне сторицей воздастся в мире ином" -- так, или примерно так, рассуждает он. [Прим. 27](#)

Иное дело Иуда. Здесь проблема мученичества предстает перед нами совершенно в ином свете.

17.

Вновь призовем на помощь Борхеса. Ссылаясь на Н. Рунеберга и переработанный вариант его книги "Kristus och Judas", Борхес сообщает: "Приписывать его преступление алчности (как делали некоторые, ссылаясь на Евангелие от Иоанна 12:6) означает примириться с самым низменным стимулом. Нильс Рунеберг предлагает противоположный стимул: гипертрофированный, почти безграничный аскетизм. Аскет, ради вящей славы Божией, оскверняет и умерщвляет плоть; Иуда сделал то же со своим духом... В его поступках было грандиозное смирение, он считал недостойным быть добрым... Иуда искал ада, ибо ему было довольно того, что Господь блажен. Он полагал, что блаженство, как и добро, -- это атрибут божества и люди не вправе присваивать его себе". [Прим. 28](#)

Таким образом, Иуда, двенадцатый ученик Иисуса, в своем аскетизме превзошел все известные нам случаи мученичества: он пошел по пути умерщвления духа -- и в результате безвозвратно погубил свою душу, что в корне противоречит самой идее традиционного мученичества. Действительно, обычно мученик

истязает себя телесно, причиняет себе физические страдания -- с тем, чтобы укрепить свой дух, очистить его от соблазнов и зова плоти. И только достигнув в этом совершенства, он может рассчитывать на посмертное воздаяние в мире ином.

На какое воздаяние рассчитывает Иуда? Да и рассчитывает ли вообще?

Совершенно очевидно, что аскетизм Иуды -- аскетизм, доведенный до логического конца -- имеет своей целью не будущие награды и воздаяние, не посмертную славу святого и подвижника, не очищение от скверны земного греха, а нечто совершенно иное. Иуда пошел на столь ужасную жертву (умерщвление духа и убийство своей души разве не жертва?) не ради собственных выгод -- прижизненных ли, посмертных, не столь важно, -- а ради своего друга и учителя, которому безгранично верил и которого (не побоимся высказать это) горячо любил -- ради Иисуса. [Прим. 29](#) Он *знает*, что жертва его необходима, *знает*, что без его помощи и участия миссия Иисуса обречена на неудачу, а великое дело спасения мира, ради которого Сын Человеческий пришел на грешную землю, наверняка потерпит крах -- и жертвует собой, жертвует своей бессмертной душой, жертвует совершенно *бескорыстно*, без малейшей тени надежды на воздаяние. Он сознательно идет на позор и унижение, доведенные до крайней степени, понимая, что этот шаг еще более оттенит чистоту и безгрешность Иисуса на фоне той мерзости, порока и грязи, которые олицетворяет собой Апостол-предатель, еще больше возвеличит Иисуса в глазах современников и потомков. И человечество "по достоинству" оценило эту беспрецедентную жертву, заклеив Иуду позорным именем "предатель"!

18.

Итак, мы рассмотрели различные версии "предательства" Иуды, подвергли анализу возможные мотивы его "преступления", определили его деяние как неотъемлемую часть великой миссии Иисуса, посланного в мир Богом-отцом во имя спасения человечества. Теперь, в свете всего изложенного выше, попытаемся ответить на вопрос, который напрашивается сам собой: в чем же все-таки заключается смысл "преступления" Иуды?

Однозначного ответа на этот вопрос нет. Смысл деяния Иуды многомерен и лежит одновременно как бы в нескольких плоскостях, которые, тем не менее, имеют множество точек соприкосновения. Иными словами, смысл совершенного двенадцатым Апостолом в

год двадцать седьмой от Рождества Христова может быть разложен на две основные составляющие -- историческую и метафизическую. Рассмотрим их.

Историческая составляющая. С точки зрения влияния на ход мировой истории деяние Иуды имеет совершенно непреходящий смысл. Мы уже упоминали об этом; повторим еще раз. *Иуда оказался тем самым "двенадцатым колесом мировой колесницы", без которого историческая миссия Иисуса -- миссия спасения человечества -- была бы обречена на провал. Не совершив Иуда "предательства", не был бы распят на кресте Иисус и не совершилось бы в третий день чуда воскресения. Не увенчалось бы успехом начатое Иисусом дело, и новая религия -- христианство -- не пустила бы корни в древней земле иудейской. Без жертвы Иуды теряет всякий смысл и жертва Иисуса. "Предательство" Иуды, таким образом, стало мощным катализатором и необходимой составляющей религиозно-исторической миссии Иисуса.*

Метафизическая составляющая. Метафизический смысл "преступления" Иуды основывается на "антиномистически-монодуалистической" [Прим. 30](#) сущности Сына Человеческого, посланного Богом на землю во искупление земных грехов. Означенный дуализм, который может быть выражен формулой "един в двух лицах", указывает на нерасторжимое, нечленимое и в то же время антиномистическое единство двух ипостасей Сына Человеческого -- Иисуса и Иуды. Антиномия и единство -- вот два цементирующих начала, которые и определяют глубокий метафизический смысл миссии "двуличного" Иисуса-Иуды. Яркий контраст между обоими лицами, обеими ипостасями, визуализированный и воплощенный для всего человечества в образах двух полярно противоположных символических личностей, создает четкую грань между обоими началами -- светлым и темным, оттеняет все самое чистое, высокое, безгрешное, божественное, идеальное от всего самого мерзкого, низкого, порочного, преступного, греховного, презренного. Поистине, "Бог стал человеком полностью, но стал человеком вплоть до его низости, человеком вплоть до его мерзости и бездны. Чтобы спасти нас... он стал Иудой..." "Бог не желал, чтобы на земле стала известна Его ужасающая тайна" -- и потому скрыл от мира свою вторую -- темную, или человеческую -- ипостась (Иуда), противопоставив ее светлой, или божественной (Иисус).

Совершенно очевидно, что рассмотренные смысловые

составляющие следует рассматривать не изолированно одну от другой, не как альтернативные варианты, взаимоисключающие друг друга, а в неразрывном единстве, именно как необходимые, взаимно дополняющие и взаимно обуславливающие составляющие одного единого смысла -- смысла миссии Иуды. Движущей же силой "предательства", или основными мотивами деяния Иуды, выступает, в первую очередь, истинная вера в святое дело Иисуса, бескорыстное, без тени эгоизма и надежды на воздаяние, самопожертвование, беззаветная преданность другу и учителю -- и крайне экзальтированный аскетизм, доведенный до умерщвления собственной души и духовного самоубийства.

* * *

В заключение отметим, что, вопреки устоявшейся традиции и бытующим в человеческом сознании религиозным, нравственным и психологическим установкам, **оправдание Иуды** не только возможно и правомерно, но и имеет под собой вполне обоснованные, реальные основания.

---

1) Хотя авторство Матфея, Марка, Луки и Иоанна как биографов Христа многими учеными-библеистами ставится под сомнение, мы будем исходить из того положения, что именно их перу принадлежат все четыре канонических Евангелия.

2) Библейские и исторические сведения, дошедшие до наших дней, не дают возможности точно установить год смерти Иисуса. Выбор указанной в тексте даты -- 27 год н.э. -- определен на основании следующих свидетельств: **а)** по Матфею, "Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода" (2:1); **б)** в примечаниях к 7-му тому "Истории религии" прот. А. Меня указываются косвенные данные, свидетельствующие о том, что Иисус родился ок. 7-6 г. до н.э. (Мень А. В., *История религии: в поисках Пути, Истины, и Жизни*. В 7-ми т. Т. 7: Сын Человеческий. Примечания. С. 309); **в)** по Иосифу Флавию, Ирод Великий умер за 74 года до разрушения Храма, т.е. в 4 году до Р. Х. (Флавий И., *Иудейская война*. СПб. 1900. С. 148); **г)** по Луке, "Иисус, начиная Свое служение, был лет тридцати" (3:23); **д)** по Д. Штраусу,

"период в семь лет... представляет максимальный срок деятельности Иисуса" (Штраус Д., *Жизнь Иисуса*. М. 1992. С. 209); е) традиционно принято считать, что общественное служение Иисуса продолжалось три года. (Заметим, что точная дата смерти Иисуса не имеет принципиального значения для данной работы).

3) Матфей указывает конкретную сумму, полученную Иудой от первосвященников, Марк и Лука лишь упоминают о деньгах, но не называют суммы, Иоанн же не говорит о плате за предательство вовсе.

4) Матфей, Марк и Лука вообще не упоминают о склонности Иуды к воровству.

5) Борхес Х. Л. *Три версии предательства Иуды / Письмена бога*. М. 1992. С. 290-291

6) Шюре Эдуард. *Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий*. Калуга. 1914. С. 398-399. Заметим, что Шюре слишком поверхностен в своей оценке деяния Иуды, а сама его книга похожа скорее на красивую сказку, нежели на серьезное исследование. Достаточно упомянуть лишь о слишком вольной интерпретации автором миссии Христа как воспитанника мистической секты ессеев и провозвестника их учения, чтобы понять это.

7) Там же.

8) Характерной чертой иудаизма является именно ожидание прихода Мессии: с приходом Мессии иудаизм потеряет всякий смысл и как религия исчерпает себя. Возможно, по этой причине мессианство Иисуса и было отвергнуто древними иудеями.

9) Борхес Х. Л. *Три версии предательства Иуды / Письмена бога*. М. 1992. С. 289

10) Ибсен Генрик. *Кесарь и галилеянин / Собр. соч. в 3-х томах*. Т. 3. М. 1957. С. 270

11) Сам Иоанн о сговоре Иуды с врагами Иисуса не упоминает.

12) См. Мф. 4:18-22, 9-9; Мрк. 1:16-20; Лк. 5:1-11, 5:27-28, 6:13-16; Ин. 1:35-44.

13) См. также Мрк. 14:21; Лк. 22:22.

14) Казандзакис Никос. *Последнее искушение Христа*. М. 1993. С. 339

15) Там же. С. 346-347

16) Борхес Х. Л. *Три версии предательства Иуды / Письмена бога*. М. 1992. С. 289-290

17) Ибсен Генрик. *Кесарь и галилеянин / Собр. соч. в 3-х томах*. Т. 3. М. 1957. С. 67

18) Гессе Герман. *Путь сновидений: Птица / Собр. соч. в 4-х томах*. Т. 3. СПб. 1994. С. 456

19) Заметим, что принцип дуализма характерен для всего человеческого существования, и интерпретация этого принципа различными религиями, мировоззрениями и философскими учениями различна: религиозные апологеты твердят о "божественном" и "сатанинском" в человеке, творцы учений о морали во

главу угла ставят понятия "добра" и "зла", различные школы психологии противопоставляют "сознательное" "бессознательному". Однако, как бы неоднозначны не были толкования этих двух начал, основная идея остается той же: человек есть вместилище двух половин -- светлой и темной.

20) Борхес Х. Л. *Три версии предательства Иуды / Письмена бога*. М. 1992. С. 290

21) Там же. С. 292-293.

22) В том же ряду -- Иов, *безропотно* сносящий испытания, ниспосланные Богом, Авраам, *безропотно* отдающий единственного сына в жертву все тому же Богу. Этот ряд можно было бы продолжить.

23) См. *Библия* в рус. пер. с англ. издания 1909 г. с примечаниями Ч. И. Скоуфилда. М. 1989. С. 18.

24) Федотов Г. П. *Святые Древней Руси*. М. 1990. С. 46-50

25) Алешковский Юз. *Рука / Избранное*. СПб. 1993. С. 313

26) Торопов Владимир. *О русском мыслителе Георгии Федотове и его книге / Наше наследие, IV*, 1988. С. 53

27) Смерть Авеля не вписывается в эту схему: он не ждал смерти, не желал ее, не стремился к ней. Впрочем, тогда не было и Христа -- некому было подражать. Тем не менее, можно предположить, что если бы Бог потребовал от него жертвы, Авель с готовностью пошел

бы на нее.

28) Борхес Х. Л. *Три версии предательства Иуды / Письмена бога*. М. 1992. С. 290-291

29) Разве поцелуй Иуды в момент ареста Иисуса не означает прощания с горячо любимым другом и товарищем? На фоне сказанного выше бытующая версия о поцелуе Иуды как указании стражникам на Иисуса кажется нам совершенно несостоятельной.

30) Термин С. Л. Франка из его фундаментального труда "Непостижимое".

---

*Декабрь 1991 -- январь 1992 гг., февраль -- май 1996 г., март 1999 г.
Москва*